

УДК 342.56:94(575.2)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПЕРИОДА ВОЗРОЖДЕНИЯ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Т.К. Исманов

Освещены проблемы проведения реформ организационно-правового урегулирования судебно-следственных органов периода образования СССР и возрождения кыргызской государственности.

Ключевые слова: судебные органы; кыргызская государственность; народный суд.

По мере укрепления Советской власти деятельность судебно-следственных учреждений осуществлялась в обстановке классовой борьбы. В определенные моменты развития классовая борьба в Кыргызстане, правосознание трудящихся масс выступают в виде неписанного права (в данном случае речь идет об обычном праве кыргызов) и в таком виде становятся основной организационной структурой деятельности судебных учреждений Кыргызстана. На практике специальные судебно-следственные учреждения, которые занимались бы разбором по обвинению контрреволюционных действий, преступлений, ведением агитации и пропаганды и т. п. не были созданы. Некоторые категории дел общеуголовного и общегражданского характера велись на основании норм права, доставшегося в наследство.

В этой связи отметим, что специальным постановлением СНК Туркестанской АССР от 6 января 1923 г. в уездах Ферганской области были учреждены бийские суды для кыргызского населения. В постановлении указывалось, что эти суды при рассмотрении дел руководствуются обычаями кыргызского населения. Бии избирались непосредственно той частью населения, которая выражала желание судиться у них.

Созданные в 1922–1923 гг. суды казыев существенным образом отличались от прежних, сохранив лишь старое название, а также форму, окончательно изменив содержание и функции. С дальнейшим развитием судебной системы трудящиеся постепенно начали отходить от судов казыев и биев. Сфера деятельности этих судов сокращалась в силу ряда объективных и субъективных причин. В этой связи ЦИК Туркестанской АССР в феврале 1924 г. издал декрет, согласно которому всякого рода дела, подсудные суду казыев и биев, в случае

желания хотя бы одной из сторон (потерпевшего, обвиняемого, истца, ответчика и др.), должны были передаваться в народный суд.

Постановлением ЦИК СНК Туркестанской АССР начала 1924 г. все уголовные дела изымались из ведения бийских и казыйских судов и передавались на рассмотрение народным судам. Сами эти суды были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание населения.

В связи с национально-государственным размежеванием конца 1924 г. законодательной основой для кыргызских судов стали кодексы РСФСР, используемые в качестве основы для кодификационной работы в других национальных республиках. Следующим этапом кодификационной работы стало создание основ союзного законодательства. На сессии ЦИК СССР в октябре 1924 г. были приняты Основы судостройства и Основы судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Основы закрепили единую для всех республик судебную систему во главе с образованным в 1923 г. Верховным судом СССР.

В октябре 1924 г. были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Документ определял пределы действия уголовного законодательства, виды, цели и условия применения наказаний. На его основе в 1926 г. была принята новая редакция Уголовного кодекса РСФСР, который определял судебную систему Кыргызской АССР. Согласно положению в республике устанавливалась двухзвенная судебная система, состоящая из народного и главного судов. Одновременно с ними действовали также военные трибуналы, деятельность которых регламентировалась специальным положением. Земельные споры рассматривались земельными комиссиями.

Народный суд считался судом первой инстанции и “рассматривал подавляющее большинство

гражданских и уголовных дел с участием народных заседателей. Приговоры и решения народных судов могли быть обжалованы и опротестованы в кассационном и надзорном порядке в Главный суд республики”.

Народным судьей могло быть избрано лицо, которое имело избирательные права, двухгодичный стаж работы в государственных либо общественных организациях или трехгодичный стаж работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя. Народный судья избирался сроком на один год районными (окружными, кантонными) исполкомами по представлению НКО республики.

Главный суд республики являлся органом судебного надзора в отношении всех судов республики; судом первой инстанции в отношении дел, отнесенных к его ведению и кассационной инстанцией в отношении народных судов. Он действовал в составе пленума, президиума, судебных и кассационных коллегий по уголовным и гражданским делам, дисциплинарной коллегии.

Пленум Главного суда был высшим судебным центром республики и состоял из всех наличных членов Главного суда. Он осуществлял следующие функции: толковал законы по вопросам судебной практики, “рассматривал в порядке надзора представления председателя Главного суда, прокурора республики, а также председательствовавших в заседании кассационных коллегий Главного суда, об отмене вошедших в законную силу приговоров и решений народных судов”.

Президиум осуществлял распределение членов Главного суда по коллегиям, “предварительно просматривал все материалы, а также проекты инструкций и циркуляров, подлежащих внесению на рассмотрение Пленума Главного суда, рассматривал представляемые кассационными коллегиями характеристики народных судей”.

Судебные коллегии рассматривали уголовные и гражданские дела по первой инстанции в составе одного постоянного члена и двух народных заседателей. Кассационные коллегии рассматривали кассационные жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов в составе трех постоянных членов Главного суда. Наркомюст Киргизской АССР возглавлял и руководил всей организационно-административной деятельностью органов юстиции республики. Таким образом, общесоюзные кодификации права отразили процессы централизации власти, управления и регулирования, происходившие в стране.

Если в первые годы Советской власти родоначальники советского права ставили своей целью

расширение судебного усмотрения, то впоследствии появились мнения, отрицавшие не только авторитет закона, но и само его существование. Эта тенденция постепенно прогрессировала. Этому способствовала специальная комиссия Народного комиссариата юстиции РСФСР, которая в 1927 г. выработала проект нового УПК РСФСР, где (п. 15) было указано, что “УПК как законодательный акт может быть упразднен полностью. Его должны заменить утвержденные СНК, представленные НКЮ дополнительные правила, наказ по производству дел как дополнение к статьям Основ судопроизводства 1924 г.”¹. Обсуждался вопрос о полном запрете прений, он был изложен следующим образом: “Прения допускаются лишь по разрешению суда, причем допущенные прения могут быть ограничены по времени”².

Смещение функции законодательного органа с функциями исполнительного Н.В. Крыленко рассматривалось как серьезное преимущество “в смысле его эластичности, гибкости и чуткости по отношению к требованиям опыта”³. Его логика довольно проста: “контрреволюционные, должностные и хозяйственные преступления опаснее убийств, изнасилований, поэтому обвиняемые должны быть лишены процессуальных гарантий, которые у них имелись бы “в нормальном” народном суде; упразднить участие в судебном процессе прокурора и защитника (участие прокурора в процессе он все же признавал, но участие защитника считалось излишним)”. Защиту Н.В. Крыленко допускал лишь в трех случаях: “1) защита согласно проекту НКЮ допускается, когда подсудимый страдает физическими или психическими недостатками, мешающими ему осуществлять свои права в процессе; 2) когда о допущении защиты ходатайствуют рабочие профессиональные организации и крестьянские общественные организации и 3) когда участвует в деле прокуратура”⁴.

Статья 15 проекта УПК была изложена следующим образом: “Обвинение на суде поддерживается, как общее правило, прокуратурой. Случаи обязательного допущения защитника при рассмотрении дела, случаи обязательного назначения защиты судом и случаи недопущения участия защиты определяются нижеисследующими правилами

¹ Крыленко Н. К Проекту нового УПК / Н. Крыленко // Еженедельник сов. юстиции. 1927. № 47. С. 1473.

² Там же. С. 1471.

³ Ширманов И.А. Н.В. Крыленко о ликвидации гарантий в уголовном судопроизводстве / И.А. Ширманов // История гос-ва и права. 2009. № 12.

⁴ Там же. С. 1457–1459.

в зависимости от того, в народном или губернском суде слушается дело”¹. Текст статьи 15 проекта УПК гласил: “В народном суде, как правило, прокуратура поддерживает обвинение лишь в случае, когда сама признает это обязательным. В губернском суде, наоборот, участие прокуратуры, как правило, обязательно, однако в этом случае суд обязан допустить или назначить защитника... В губернском суде участие прокуратуры обязательно, участие защиты всегда факультативно и зависит лишь от усмотрения суда... В зависимости от характера и обстоятельств дела суд вправе отказать в допущении к защите любого из формально правомочных на то лиц”².

Таким образом, суды должны быть подконтрольны и подчинены властным органам (советским и партийным), чтобы власть могла гарантировать любое нужное решение. Уголовный кодекс должен отвечать основным принципам марксизма на сущность преступления и меры борьбы с ним. Также УК вводил понятие “экономическая контрреволюция” (ст. 57).

По этому поводу И.В. Сталин в своей работе “О хлебоготовках и перспективах развития сельского хозяйства” (написана в период его поездки по Сибирскому региону) требует применять закон против спекуляции (ст. 107 УК РСФСР).

В частности он пишет: “Вы говорите, что применение к кулакам 107 статьи есть чрезвычайная мера... Вы говорите, что ваши прокурорские и судебные власти не готовы к этому делу. Но почему в других краях и областях прокурорские и судебные власти оказались готовыми и действуют вполне успешно, а у вас они не готовы к делу применения к спекулянтам 107 статьи... в случае отказа кулаков подчиниться закону, – привлечь их к судебной ответственности...”³. На практике в конце 20-х – начале 30-х годов они были просто сосланы из обжитых мест.

Реальную картину отражает сводка “О карательной политике народных судов КирАССР за 1926–1927 гг.”⁴, где приведены конкретные цифры по различным видам преступлений в сравнении с 1926 г. и 1-м полугодием 1927 г. Мы же ограничимся общими данными, в частности “судами было осуждено к лишению свободы 695 человек в 1926 г. и в 1-м полугодии 1927 г. всего 361 человек... Карательная политика наших судов “недостаточна”

для пресечения развивающихся преступности... Главный двигатель успешного проведения нашей карательной политики – своевременное рассмотрение дел... Судам надлежит рассмотрение дел приближать к моменту”⁵. Как видно из данного документа, требование сокращать сроки между арестом, судебным процессом и исполнением приговоров было “успешно” реализовано в период громких политических процессов Н.В. Крыленко, который позже сам стал жертвой своих идей.

В 1928 г. Н.В. Крыленко опубликовал книгу “Суд и право в СССР”, в которой обосновал и впоследствии реализовал свою политику в печально знаменитых нормативных актах от 1 декабря 1934 г. Тогда дела о контрреволюционных преступлениях рассматривались без участия защиты, кассационное обжалование приговора не разрешалось, приговор к смертной казни приводился в исполнение немедленно. Полномочия Особого совещания при НКВД СССР были расширены вплоть до приведения в исполнение приговоров о смертной казни. Эти полномочия получили также Особые совещания (тройки) в союзных и автономных республиках, краях и областях, где стали применять смертные приговоры не индивидуально, а списками. Эти взгляды Н.В. Крыленко в тот период вполне устраивали и И.В. Сталина⁶.

В начале 1928 г. с целью упорядочения законодательства о порядке разрешения трудовых споров в ЦК ВКП(б) – НК РКИ была образована специальная комиссия по рассмотрению и изданию законодательными органами СССР закона⁷. Издание общесоюзного закона по данному вопросу обеспечило бы создание благоприятных условий для контроля за установлением единообразной практики деятельности расценочно-конфликтных комиссий (РКК), примирительных камер, третейских судов и особых сессий народных судов по трудовым делам.

29 августа 1928 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов⁸. Это был первый общесоюзный законодательный акт, которым регулировался комплекс вопросов, связанных с рассмотрением трудовых споров. Подавляющее

⁵ Там же.

⁶ Сов. юстиция. 1936. № 22. С. 1–2.

⁷ Скоробогатова Н.В. Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов 1928 г. / Н.В. Скоробогатова // История гос-ва и права. 2009. № 2.

⁸ См.: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 29 августа 1928 г. “Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов” // СЗ СССР. 1928. № 56. Ст. 495.

¹ Там же. С. 1476.

² Ширманов И.А. Н.В. Крыленко о ликвидации гарантий в уголовном судопроизводстве / И.А. Ширманов // История гос-ва и права. 2009. № 12.

³ Сталин И. Соч. М., 1949. Т. 11. С. 3–5.

⁴ ЦГА КР Ф. 10. Оп. 1. Д. 137. Л. 177–178.

большинство этих споров подлежало обязательному рассмотрению в расценочно-конфликтных комиссиях как в первичной инстанции¹. По остальным спорам искового характера заинтересованный работник мог по своему выбору обращаться либо в РКК, либо в трудовую сессию народного суда. Наряду с этим устанавливалось, какие дела не подлежали рассмотрению в РКК². Решения РКК являлись окончательными и не нуждались в чем-либо утверждении. Данный нормативно-правовой акт устанавливал и регламентировал три самостоятельных вида разбирательства трудовых споров: примирительно-третейское, судебное и административное, и являлся первым правовым актом, который так или иначе соответствовал понятию закона.

Необходимо отметить, что законность так и не стала ориентиром для большевиков. Этот период исторического развития характеризуется работой двух систем расправы: органов ВЧК и системы ревтрибуналов. Практика последних послереволюционных лет, а также специфика самой партии, находящейся у власти, предопределили весьма своеобразное отношение к судопроизводству. Поскольку сам судебный процесс был единым и в ревтрибуналах, и в народных судах, можно сказать, что дух произвола зачастую царил и в народных судах. В итоге созданная советская система мало походила на систему правосудия, а более всего представляла собой систему государственного террора.

Большевистские декреты предписывали судье основывать решения не только на законе, но и на “революционной”, “пролетарской” совести³. За “революционным правосознанием” стояла доктрина авторитета законодательства, высокого уровня правосознания и правовой культуры, не допускающая отступления от требований закона по соображениям целесообразности, служебной и личной заинтересованности⁴. Юристы право-

творчество рассматривают как приспособление права к потребностям государства карать⁵.

Требование соблюдения строжайшей дисциплины судебными органами, многие работники которых разделяли нигилистический подход к праву, привело к централизации системы судов, завершившейся в середине 30-х годов. Первоначально предполагалось развивать проверку судебных решений в порядке надзора, чтобы суды высших инстанций рассматривали большее количество дел по жалобам. Эта проверка, однако, вскоре превратилась просто в передачу Верховному Суду СССР дел из народных судов, что практически лишало полномочий кассационные инстанции на республиканском и областном уровнях. Централизация судебной системы власти возрастала, что видно по увеличению состава членов Верховного суда СССР, в который в 1929 г. входило 8 человек, в 1938 г. – 45, а в 1946 г. – 69 человек⁶. Кроме централизации контроля за деятельностью органов юстиции, принятый партией новый курс, направленный на тоталитаризацию законности, предполагал укрепление правовой системы, использование ее в качестве “школы обучения и переобучения ненадежных элементов среди рабочих” и имел целью восстановить среди населения авторитет правовых процедур⁷.

Таким образом, суд к этому времени должен был укреплять законность, воспитывать высокое общественное правосознание и чувство долга. Любое отступление судей от требований закона не всегда вело к отрицательному формированию правосознания граждан. Авторитет законодательства в этих условиях был настолько значителен, что свобода судебного усмотрения приравнивалась к произволу.

К этому времени в стране принуждение, осуществляемое большевиками посредством арестов, ссылок, сфальсифицированных судебных процессов, высылки за границу политических врагов и инакомыслящих, достигло наивысшего накала. “Революционная целесообразность” заменяется “социалистической законностью”, назначение которой состояло не только в содействии развитию системы норм социалистического права и строгому, неуклонному проведению ее в жизнь, но и в убежденности в необходимости применения непопулярных методов.

¹ Обязательному рассмотрению в РКК подлежали, в частности, споры по поводу перевода на другую работу; увольнения по непригодности и за невыполнение обязанностей и др.

² В РКК не рассматривались дела об увольнении и восстановлении в должности руководящих работников, перечисленных в особых перечнях; дела о расторжении трудового договора по требованию профсоюза (ст. 49 КЗоТ); споры по вопросам об удовлетворении жилой площади и др.

³ *Хлопаева М.Е.* Идея судебного усмотрения в период становления советской власти / М.Е. Хлопаева // История гос-ва и права. 2006. № 11.

⁴ *Туманов В.А.* Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве / В.А. Туманов. М.: Наука, 1971. С. 101.

⁵ *Голлан Д.* Политическая система Великобритании / Д. Голлан. М., 1952. С. 168.

⁶ *Добровольская Т.* Верховный Суд СССР / Т. Добровольская. М., 1964. С. 56.

⁷ *Вышинский А.* Революционная законность и наши задачи / А. Вышинский. М., 1937. С. 2.